

В. Я. Петрухин

ИЕРОТОПИЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ И НАЧАЛЬНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ¹

Иеротопия как организация сакрального пространства или интерпретация «исторического» пространства как сакрального, освященного традицией, характерна уже для дохристианской Руси. Древнейшие культовые сооружения — курганы («могилы») первых русских князей — «отмечали» узловые пункты государства — Русской земли, где свершались главные для этой земли события. Эти могилы стали естественными историко-географическими ориентирами для начального летописания, и локальные предания о могилах князей заставляли летописцев редактировать предшествующие своды и предлагать собственные исторические реконструкции: более всего это связывается с судьбой первого правителя Древнерусского государства Вещего Олега, могилы которого известны в Киеве у Щекавицы² и в Ладоге³. Княгиня Ольга велела побежденным ею древлянам участвовать в организации тризны по убитому ими князю Игорю, приготовив поминальное питье («меды многи») — курган Игоря возле древлянского града Искоростня должен был напоминать о даннических отношениях. Погребальный культ был демонстрацией «окняжения» Русской земли. Составитель уже ранней редакции Повести временных лет (Начального свода 1090-х гг.) столь же естественным образом должен был подчинить эти языческие ориентиры христианской исторической парадигме. Показательно при этом соотношение локализации курганов первых киевских князей с христианскими памятниками Киева: могил Аскольда у церкви Николы, могила Дира — у монастыря Ирины; у энтузиастов раннего крещения Руси это соотношение вызывает даже не впол-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

² Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

³ Новгородская первая летопись.

не оправданные исторические реконструкции — в частности, Аскольду приписывается христианское имя Николай. Едва ли первые киевские князья были христианами. Во всяком случае, когда сам князь Ярослав Мудрый перенес в Десятинную церковь останки князей Ярополка и Олега Святославичей, извлеченные из «могил» в Киеве и Овруче (о чем и сообщает Повесть временных лет под 1044 г.), он должен был крестить их кости: Десятинная церковь, построенная убийцей Ярополка Владимиром, призвана была собрать и примирить после смерти княжеский род в новом христианском центре нового Русского христианского государства — Русской земли⁴.

Библейско-христианская историческая парадигма, объединявшая тексты так называемого Начального свода, была явлена составителем в самом начале космографического введения, начиная с заглавных вопросов о начале Русской земли. В соответствии с библейской традицией — как в «Таблице народов» — вопрос о начале Руси был разделен на две части — о том, «откуда есть пошла Русская земля», и о том, «откуда Русская земля стала есть»: в генеалогическом смысле Русь пошла от варягов, в «историко-географическом» она «стала есть» в Восточной Европе после призвания славянами и другими племенами варяжских князей. «Варяжская» традиция сохранялась в княжеской и дружинной среде — недаром такое внимание уделялось и могилам дохристианских князей. Исходный «дуализм» руси и славян, русского и словенского «языков» не мог не волновать составителей летописи, ведь летопись составлялась уже на русском языке, который «одно есть» со словенским. Проблеме становления этого славяно-русского единства и посвящена начальная часть Повести временных лет, включающая космографическое введение и повествование о первых князьях — Рюрике и Олеге.

Собственно «славянская» традиция была известна составителям летописи из кирилло-мефодиевского текста, именуемого «Сказанием о преложении книг на словенский язык». Он повествовал о миссии Константина и Мефодия к дунайским славянам, князья которых сами *призвали* себе учителей при императоре Михаиле III. Эта миссия избражалась как продолжение апостольской миссии Павла и Андроника в Иллирике, славяне отождествлялись с нарцами — жителями Норика, части Иллирика⁵, так что первоучителем их был сам Павел. Повесть временных лет, основываясь на этой традиции и Хронографе по великому изложению, помещает славян на Дунай, где они сели «по мнозех

⁴ Петрухин В. Я. К дохристианским истокам древнерусского княжеского культа // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998, с. 882–892.

⁵ Ср. об архаических истоках этой традиции — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2002, с. 333 и сл.

временех» после вавилонского столпотворения там, «где ныне Угорьска земля и Болгарьска»⁶. Оттуда они начинают расселяться по рекам Восточной Европы, и тут им приписывается «словенская грамота» (хотя рассказ о преложении книг еще не приводится). Затем следует рассказ об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом, о «княжениях» славян с их городами Киевом у полян, Новгородом у словен, Смоленском у кривичей и об «иных языцех, иже дань даютъ Руси»⁷. Даже если не принимать в расчет общее число восточнославянских племен (двенадцать), само описание их расселения следует той же библейской традиции расселения 12 колен с их городами и упоминаний поработанных народов (в книге Иисуса Навина). Этот тип историко-географического описания не менее популярен в хронографии, чем «таблица народов».

В этот летописный текст и вставляется знаменитый «иеротопический» рассказ о пути из варяг в греки и путешествии по нему «в Варяги» и Рим апостола Андрея. Вставка появляется после описания расселения славян и упоминания славянской грамоты перед легендой о полянском Киеве и является как бы комментарием — глоссой к рассказу о киевских горах. Казалось бы, этот рассказ «избыточен», ибо у славян уже есть свой апостол — Павел, и это должно быть известно летописцу. Интересно, однако, что в рассказе о благословении Андреем киевских гор летописец ничего не говорит об их обитателях — для него поляне еще пребывают на Дунае. Это кажется тем более неясным, что на месте Новгорода Андрей застаёт словен, которые поражают его воображение своей парной баней. Естественно бросается в глаза противопоставление «возвышенного», хоть и в грядущем, Киева, «сниженному» Новгороду: несмотря на свою экзотическую чистоплотность, словене не сподобились апостольского благословения. Любопытно, что рассказ о словенской бане находит соответствие в «Книге о чудесах» Андрея Григория Турского⁸: сам апостол, пришедший мыться в баню, изгоняет бесов из одержимых ими. Но дело, очевидно, не в знакомстве составителя летописи с этим эпизодом: рассказ о новгородской бане представляет собой характерный для летописания этиологический мотив, подтверждающий достоверность происходящего. Заметим, что это описание — свидетельство «этнографической» работы летописца: баня осталась характерной чертой этнографии русского Севера и практически была неизвестна на юге. Эта этиологическая концовка, завершающая рассказ о путешествии Андрея, сродни окончаниям жизнеописания

⁶ Повесть временных лет, с. 8.

⁷ Повесть временных лет, с. 10.

⁸ *Виноградов А. Ю.* Деяния апостола Андрея. М., 2003, с. 91.

саний русских князей, где упоминаются их могилы. Значит, суть была не в противопоставлении киевского юга и новгородского севера, а в подтверждающих путешествие Андрея этиологических иллюстрациях: будущей Русской земле, как и дунайским славянам, нужен был свой апостол. Естественным для летописца был и его путь из Скифии через Русь в Рим — то был путь из варяг в греки⁹.

С точки зрения композиции летописи представляется странным, что рассказ о славянском апостоле Павле перенесен из космографического введения, где остались фрагменты «Сказания о преложении книг», в собственно летописную часть, да еще не в рассказ о начале Руси, а в повествование об обретении венграми своей земли в Паннонии под 898 г. Между тем, именно сюжет о начале Руси вызывает прямые ассоциации с рассказом о Константине и Мефодии: оба события произошли практически одновременно при Михаиле III, а формулы призвания князей и учителей — «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», «земля наша крещена есть, но нет в ней учителя» — свидетельствуют о единой традиции, той кирилло-мефодиевской традиции, которую продолжает летопись¹⁰. Почему рассказ о преложении книг оказался не на месте и что заставило летописца нарушить хронологический порядок?

Можно предположить, что летописца заставили сделать это как раз его разыскания о славянской грамоте. Естественно, летописец знал, что грамота составлялась для перевода богослужебных книг и не могла распространиться ни у языческих славян, ни у языческой Руси. И вместе с тем ему были известны документы, написанные словенским языком от имени языческой Руси: то были договоры с греками, первый из которых, договор Олега 911 г., был заключен от имени «всей Руси», послы которой носили явно неславянские (скандинавские) имена, но составлен на славянском языке.

Эти включенные в летопись договоры до сих пор вызывают споры у исследователей — распространены предположения о том, что переводчиками их на славянский были болгары. Летописец не знал ничего о переводчиках и должен был начать разыскания об известных ему славянских «кандидатах», которые могли выполнить эту работу. В списке дунайских славянских племен, восходящему к кирилло-мефодиевской традиции, он обнаружил полян. То были не киевские, а польские поляне, живущие рядом с моравами и чехами, но летописец, выстраивавший концепцию единства словенского языка в соответствии с принципами

⁹ Ср.: Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000, с. 196–197.

¹⁰ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000, с. 69 и сл.

средневековой этимологии, отождествил их с полянами киевскими, заключив, что это те поляне, которых ныне зовут Русью.

Теперь мы можем понять, почему летописец так «не спешил» помещать полян на киевские горы, благословленные Андреем: они нужны были ему среди дунайских славян, воспринявших славянскую грамоту. Летописец не знает и времени, когда появились поляне на Днестре, не называет имени императора, при котором Кий хотел утвердиться на Дунае: все события «спрессовываются» в царствовании Михаила III, когда стала «прозываться Русская земля», Рюрик обосновался в Новгороде, а Аскольд и Дир пошли из полянского Киева на Царьград. Но первым памятником русско-словенского языка был договор, заключенный Олегом. Согласно княжескому преданию, которому следовала летопись, Олег с Игорем, наследником Рюрика, явились из Новгорода в Киев (под 882 г.), схоронившись на урочище Угорском под городом (опять характерный этиологический мотив), выманили и убили Аскольда и Дира. Тогда Олег обосновался в Киеве: «и беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью». Под «прочими» следует понимать полян, но летописец «резервирует» их упоминание для статьи 898 г.: достаточно заявить о том, что дружинное имя скандинавской руси распространяется и на варягов, и на словен — всех членов княжеской дружины.

Наконец, под 898 г. говорится о венграх — уграх, которые прошли мимо Киева и урочища Угорского до Дуная и «Селуня» — Фессалоник. «Бе един язык словенск: словени, иже сидяху по Дунаеви, их же прияха угри, и моравя, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь. Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских»¹¹. Угры объединили в одном историческом пространстве славяно-русский Киев, дунайских славян и родной город Константина и Мефодия, как Андрей объединял своим маршрутом Киев, Новгород, Рим и Константинополь. В связи с их походом приводится «Сказание о преложении книг на словенский язык» и заключение о том, что «словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам руси учитель есть Павел... А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене»¹².

Это заключение в летописном контексте также выглядит парадоксальным, ибо славяне и русь в X в. различаются по языку и обычаям, и это известно летописцу. Описывая возвращение русского войска Олега из похода на Царьград, летописец приводит рассказ о том, как князь

¹¹ Повесть временных лет, с. 15.

¹² Там же, с. 16.

велел дать руси паруса из прочного шелка — паволок, а словенам — непрочные «кропильные», так что их разорвал ветер, и словене должны были пользоваться парусами из простой холстины. Этот рассказ приведен не для того, чтобы унижить славянских «федератов» Руси. В договоре с Олегом греки именовали себя просто «христианами», подчеркивая «безбожный», варварский статус руси. Это противопоставление «преодолевалось» летописным преданием о высоком статусе руси в сравнении со славянами.

В своей конструкции летописец прибегнул к традиционному методу средневековой «этимологии», отождествив на основании не просто созвучия, а полного совпадения племенных названий «дунайских» и днепровских полян. Рассказ о моравской миссии славянских первоучителей, продолжившей миссию Павла в Иллирике, он завершает утверждением: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаяа речь бе».

Нельзя не заметить, что летописец ощущал некоторую искусственность своего построения, несмотря на то, что исторический его итог был вполне документирован: договор Олега, в войско которого входили и поляне, был составлен на словенском языке. Характерна, однако, завершающая рассказ о словенском языке ремарка о полянах: «Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един»¹³. Ремарка как бы лишает полян этнографической специфики, апеллируя к «ландшафтному» значению этнонима.

Показательно, что в киевской легенде летописец характеризует полян как мужей «мудрых и смысленых»¹⁴ в противоположность древлянам и прочим племенам, живущим «звериньским образом». Отказ от рецидивов племенного сознания в пользу общеславянского и, наконец, общерусского — формирование русско-славянского самосознания — и есть определенный итог работы летописца в поисках самоидентификации или самопознания (если пользоваться терминологией Н. С. Трубецкого и Н. И. Толстого)¹⁵.

Крещеная Русь, объединившая славянские языки в новый народ, уже не противопоставляла себя грекам, как это было свойственно древ-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 9.

¹⁵ См.: Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести Временных лет» // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993, с. 4–12; ср.: Живов В. М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора летописца // Слово и культура. Т. II. М., 1998, с. 321–337; Ведюшкина И. В. Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003, с. 304 и сл.

ним словенам на дунайской границе Византии¹⁶ и языческой Руси в договоре Олега. Напротив, возникает тенденция к сближению и даже отождествлению Руси и Греции в скандинавской литературе¹⁷: ср. эсхатологическое прорицание волхва в Повести временных лет (с. 75) — «стати Гречьскы земли на Руской, а Руськей на Гречьской». В Повести, однако, подробно описывается и многократно упоминается европейский «поганый» (языческий) народ, не отнесенный в космографическом введении к потомкам Иафета (подобно тому, как не относились к его потомкам русь и словене у Амартола), но постоянно противопоставляющийся христианской руси. Это половцы, обычай которых «нечист», как и происхождение от Измаила: они — «безбожные сыны Измаиловы»¹⁸. Обретающая христианское самосознание Русь имела на границах собственных варваров.

Можно сказать, что летописная статья 898 г. представляет собой содержательное и «риторическое» завершение повествований о начале Руси и расселении славян: синтезом этих процессов этногенеза и образования государства стало возникшее в Киеве, центре летописания, славяно-русское единство. Поскольку ни славяне, ни русь не были включены византийскими хронографами в круг цивилизованных народов — потомков Иафета, а отсутствие у них апостольской проповеди, которая должна была просветить все 72 библейских языка, усугубляла это положение, летописец и последующие редакторы должны были выполнить ту работу, которую мы попытались проследить. В результате славяне и Русь — Русская земля — были включены в пространство цивилизации¹⁹ и сакральное пространство, которое сподобилось посещения апостолами. Русь обрела свое «иеротопическое» место между Царьградом и Римом.

Параллельно этой «этнокультурной» традиции начальное летописание трактует и традицию государственную. Ее истоки также возводятся к библейскому прецеденту. Сразу вслед за заглавными вопросами о начале Русской земли в летописи цитируется Хронограф по великому изложению, включающий фрагменты библейского псевдоэпиграфа «Малое бытие»: Сим, Хам и Иафет, «разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же в жребий братень». О па-

¹⁶ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000, с. 38 и сл.

¹⁷ Ср.: Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002, с. 286 и сл.

¹⁸ Ср.: Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000, С. 691-716

¹⁹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000.

радикальности мотива трех братьев — основателей Киева и основателей Русского государства — для начального летописания уже не раз говорилось²⁰.

Показательно, что и географическое пространство собственно Русской земли оказывается ориентированным на жребии новых сыновей: в упомянутом описании пути из варяг в греки говорится, что главные речные магистрали Руси берут начало из некоего Оковского леса — Двина течет на север к Варяжскому морю, Днепр на юг в Понт, откуда можно следовать в Царьград, Волга — на восток в Каспийское море и предел Симов. Далее следует рассказ о днепровском пути Андрея.

Русская земля оказывается в центре картины мира летописи: существенно, что в других странах, отделенных от Руси водными границами, герои русской истории добывают благо — из-за моря призываются варяжские князья, из-за Дуная — первоучители Константин и Мефодий, в Царьград (или Корсунь) отправляются за богатствами и верой русские князья.

Показательно, что библейская заповедь «не преступати в жребий братень» специально упоминается в контексте русской истории, в статье 1054 г., когда Ярослав дает завет и разделяет землю и грады между пятью своими сыновьями, и в статье 1073 г., когда трое из оставшихся в живых Ярославичей вступили в распрю. Собственно, эта заповедь является лейтмотивом Начального свода (и одной из основ его текстологической реконструкции), но она оказывается и «княжеской конституцией» Русской земли.

Характерно, что не старший Изяслав Ярославич, а лишь трое старших братьев распоряжаются судьбами Русской земли: после смерти младшего Вячеслава в Смоленске они переводит туда Игоря из Владимира Волынского и т. д. Более того, по наблюдениям А. Н. Насонова²¹, трое старших Ярославичей получают от отца те города в Среднем Поднепровье — Киев, Чернигов и Переяславль, — которые при Владимире Святославиче входили в домен киевского князя и не раздавались сыновьям. Позднейшая летописная традиция²² реконструировала завет Ярослава как разделение всей Русской земли между тремя Ярославичами: «И преставися Ярослав, и ошася 3 сынове его: вятшии Изяслав, а среднии Святослав, меншии Всеволод. И разделиша землю, и взя болшии Изяслав Киев и Новгород и инии города многи киевския во пределех; а Святослав Чернигов и всю страну

²⁰ Петрухин В. Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2003, с. 93–113.

²¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1952.

²² Новгородская первая летопись, с. 160.

ввосточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье».

Эта реконструкция, в отличие от другого сакрализованного в Повести временных лет разделения Русской земли и градов, которые Владимир Святославич после крещения якобы раздал 12 сыновьям — подобиям родоначальников колен Израилевых и апостолов, основывалась на политических реалиях. Киевские князья действительно считали Новгород своей отчиной, а переяславские распоряжались Поволжьем, как черниговские — левобережьем Днепра до Рязани и Тмутаракани. Более того, при Ярославичах на три части была разделена и киевская митрополия. В. О. Ключевский возводил триумвират Ярославичей к родовому, а затем «местническому» праву, согласно которому лишь три старших брата относились к «властному» поколению. Основания для такого заключения имеются в самой начальной истории Русского государства, где первыми князьями были три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, носившие, в отличие от легендарных «топонимических» Кия, Щека и Хорива, настоящие скандинавские имена; ср. также рассказы восточных источников о трех видах и царях Руси IX в.²³ Однако только одно из этих имен — Рюрик — сохраняется в княжеском именовании, и это заставляет предполагать «искусственность» двух других «братьев» варяжской легенды как членов княжеского рода. Скорее можно заключить, что исторический прецедент, правление трех Ярославичей, актуализировало «иеротопические» библейские мотивы о сыновьях Ноя и заповеди братней любви, равно как и переселенческие сказания о трех братьях, при составлении Начального свода. Показательно, что сам Начальный свод завершался рассказом о смерти Всеволода Ярославича и деяниях трех его наследников — Святополка Киевского, Владимира Черниговского и Ростислава Переяславского. Вероятно этот свод и представлял собой первую редакцию Повести временных лет: она была дополнена разысканиями о начале славян и Руси.

²³ Петрухин В. Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 143–158.

Vladimir Petrukhin

Research Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

HIEROTOPY OF THE RUSSIAN LAND
AND THE PRIMARY CHRONICLE

Hierotopy as organization of sacred space or interpretation of a “historical” space as sacred, sanctified by tradition, is typical since pre-Christian Rus'. The most ancient cult constructions — the mounds (“graves”) of the first Russian princes — “marked” the focal points of the state — the Russian land, where the major events took place. These graves became natural historical and geographical reference points for the first chronicles. The author of the early version of the Primary Chronicle (PVL) inevitably had to subject these pagan reference points to a Christian historical paradigm. Actually, such “subjecting” was carried out prince by Jaroslav the Wise: under this prince the bones of princes Jaropolk Svjatoslavich and Oleg Svjatoslavich were baptized and transferred to the Desjatinnaja Church (as it is stated in PVL under year 1044).

The historical paradigm consolidating the texts of PVL was demonstrated by the author in the very beginning of his cosmographic introduction, after the title-questions about the formation of the Russian Land. Here he quotes the Chronograph, including the fragments of the Biblical pseudoepigraph called 'The Book of Jubilees' about Shem, Ham and Japhet who divided the earth, and decided not to trespass upon the brother's lot. It is essential that the Biblical commandment not to trespass upon the brother's lot is specially noted in the entry of 1054, where Jaroslav pronounces his Testament and divides the land and the towns among his five sons, and in the entry of 1073 where the three brothers Jaroslavichi begin a strife. In fact, this commandment is at the same time the leading idea of PVL and of the “princely constitution” of the Russian Land.

Characteristically, not the eldest Izjaslav Jaroslavich, but all the three elder brothers are in command of the Russian Land: after the death of the younger brother Vjacheslav in Smolensk they transfer there Igor from Vladimir Volynsky etc. Moreover, as A. N. Nasonov noted (1952), the three elder brothers Jaroslavichi got from their father the towns in the Middle Dnieper region — Kiev, Chernigov and Perejaslavl' which under prince Vladimir Svjatoslavich were a part of the domain of the prince of Kiev and were not distributed among his sons. The later chronicle tradition (the Novgorodian I chronicle, p. 160) reconstructed Jaroslav's Bequest as the distribution of the whole Russian land among the three Jaroslavichi: Jaroslav had three sons, the eldest Izjaslav, the middle Svjatoslav and the youngest Vsevolod, who divided the land: Izjaslav took Kiev and Novgorod and many

Kievan towns, Svjatoslav took Chernigov and the entire Eastern land up to Murom, while Vsevolod took Perejaslavl', Rostov, Suzdal', Beloozero, the Upper Volga.

This reconstruction is actually based on the political reality contrary to another distribution of the Russian Land and towns sanctified in the chronicle: the alleged distribution by Vladimir Svjatoslavich after his Baptism among his 12 sons reminiscent of the forefathers of the Twelve Tribes and the Apostles. The princes of Kiev really considered Novgorod to be their patrimonial estate while the princes of Perejaslavl were in command of the Volga region and the princes of Cernigov of the Left-bank Dnieper region down to Rjazan' and Tmutarakan'. Moreover, under the Jaroslavichi the metropolitan bishopric of Kiev was also divided into three parts.

Vasilij O.Kluchevskij derived the triumvirate of Jaroslavichi from the tribal and later "order of seniority" law which stated that only three elder brothers constituted the "generation in power". This conclusion is based on the facts of the early history of Russian state whose first princes were three brothers – Rjurik, Sineus and Truvor. They had real Scandinavian names - contrary to the legendary "toponymical" princely names Kij, Szczek and Khoriv. As only one of these names — Rjurik was preserved in the list of Russian princely names list, one should suppose the "artificiality" of the two other "brothers" of the Varangian legend — as the members of the princely clan. One should rather conclude that when PVL was composed, the historical precedent — the rule of the three brothers Jaroslavichi actualized the Biblical motifs of the sons of Noah and the commandments of brotherly love, as well as "migration" legends about three brothers. Essentially, the Primary Version of PVL ended with the narration about the death of Vsevolod Jaroslavich and the deeds of his three successors — Svjatopolk of Kiev, Vladimir of Chernigov and Rostislav of Perejaslavl.